

¹⁰ Ситнянский Г. Ю. Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в Горной Киргизии // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 40—41 и др.

¹¹ О регионализме в Таджикистане см.: Бушков В. И., Миккульский Д. В. Таджикистан: что происходит в республике? // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. Док. № 40. С. 18—31.

¹² О традиционных сословиях в Таджикистане см.: Бушков В. И., Миккульский Д. В. Общественно-политическая ситуация... С. 8—9, 21 и др.

Tadjikistan: A traditional society in postindustrial world

Social background of today's Tadjikistan is examined, as well as the recent changes in the republic's social situation.

V. I. Bushkov

© 1995 г., ЭО, № 4

О. И. Б р у с и н а

КИРГИЗИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АГРАРНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ

Обретшие в начале 90-х годов независимость республики Средней Азии — аграрные государства с быстро растущей сельской перенаселенностью, которая становится одним из важнейших факторов социального напряжения. Не составляет исключения и Киргизия. Хотя она и отличается от других республик региона сравнительно меньшей плотностью населения, ее исконно ведущая отрасль — скотоводство — требует гораздо больших свободных земельных пространств, чем земледелие в традиционно оседлых районах.

Анализ нынешнего состояния киргизской экономики позволяет сделать заключение, что специализация республики на животноводстве будет сохраняться. Чтобы создать стабильную самокупаемую экономику, на построение которой ориентируется правительство во главе с президентом А. Акаевым, иметь собственный экспортный потенциал, а также найти свою «рыночную нишу», Киргизии предстоит опираться на внутренние ресурсы. Государство располагает определенным набором минеральных (в частности, осуществляется добыча и обогащение ртути и сурьмы в районе Алайского хребта, полиметаллических руд и природного урана на севере) и энергетических ресурсов (последних, впрочем, не хватает, часть их импортируется). Однако, по оценкам экспертов, шансы республики интегрироваться в мировую экономику низкие; единственно потенциальная сфера — это сельское хозяйство¹. Традиционно в рамках СССР республика специализировалась на разведении тонкорунных и полутонкорунных пород овец, лошадей и крупного рогатого скота. В настоящее время основная статья киргизского экспорта — натуральная шерсть².

Многие другие отрасли республиканского производства ныне переживают глубокий кризис. Начиная с 1991 г. идет катастрофическое падение производства. Так, в июле 1993 г., по сравнению с тем же периодом предыдущего года, объем промышленного производства сократился на 42, а продукции машиностроения — на 60%. Капитальные вложения в 1992 г., по сравнению с 1991 г., сократились более чем на треть (так же, как и ввод жилья)³. По данным Института мировой экономики и международных отношений РАН, производство валового внутреннего продукта в Киргизии сократилось с 1990 г. на 60%⁴.

Такой резкий спад производства обусловлен помимо разрушения межрес-

публиканских связей прежде всего сокращением субсидий в республиканскую экономику из Москвы (ныне это льготные кредиты, поставки по заниженным ценам и др.), которые десятилетиями покрывали убыточность бюджета через льготные цены на нефть, газ и прочее сырье, кредиты и другие виды субсидирования⁵.

Важной проблемой, которая ставит под сомнение как скорое восстановление промышленного потенциала Киргизии, так и значительное наращивание ее сельскохозяйственной продукции (главным образом зерновых), является возрастающая эмиграция из республики русскоязычного населения. Эта проблема связана с существующим этническим разделением труда.

По переписи 1989 г. из 4,26 млн. жителей республики (в начале 1993 г. уже 4,5 млн.) киргизы составляли 12,7 городского и 66,2% сельского населения (русские соответственно 39,5 — в том числе в Бишкеке 65% — и 10,5), в сельской местности проживало около 90% киргизов. В городах представители европейских национальностей образуют своего рода профессиональную элиту, они — основной контингент квалифицированных промышленных рабочих, инженерного персонала, научно-технических работников. Среди квалифицированных рабочих киргизы составляют всего 8%, инженерно-технических работников — 3%⁶, а русские среди тех и других — около 60%⁷. В сельской местности также наблюдаются различия в сферах занятости: киргизы традиционно ориентированы на животноводство, а русскоязычные жители, населяющие села главным образом на севере республики (Прииссыккулье, Чуйская и Таласская долины), — на земледелие; именно на них преимущественно держится зерноводство в Киргизии. Резко возросший в последние годы массовый отъезд русского населения⁸ представляет несомненную угрозу для экономики Киргизии. В силу недостаточного образовательного уровня большой части сельского киргизского населения (потенциальных мигрантов в города) и из-за его особой ориентации в хозяйственной деятельности освобождающиеся ниши в сферах занятости не смогут заполниться в короткие сроки.

В целом традиционная животноводческая специализация республики по-прежнему остается ведущей. Однако нынешнее состояние скотоводства критическое. В последние десятилетия развитие этой отрасли, связанное с ростом сельского населения, повлекло за собой исключительно высокие антропогенные нагрузки на природную среду, что грозит невосполнимым оскудением ее ресурсов. Это в свою очередь чревато еще большим ростом относительного аграрного перенаселения, поскольку возможности жить за счет продуктов сельского хозяйства все более и более сокращаются.

Сельскохозяйственные угодья занимают ныне 10 млн. га, т. е. около половины территории этого горного государства. Причем пашня занимает 14, а пастбища — более 80%. За последние 50 лет поголовье скота возросло втрое, при этом развитие скотоводства по-прежнему носило экстенсивный характер. Возросшая нагрузка на пастбища сопровождалась их бессистемным использованием, восстановительные работы не проводились. В 1986 г. насчитывалось 17 млн. голов скота в пересчете на овец, к 1990 г. — более 15 млн.⁹, хотя, по оценкам специалистов, в республике есть возможность прокормить только до 8 млн. овец. Избыток скота оказывает пагубное воздействие на окружающую среду. В отдельных хозяйствах в 1990 г. поголовье скота на 1 га превышало нормы в 2—3 раза¹⁰.

В советский период развитие скотоводства сопровождалось серьезными нарушениями системы традиционного хозяйства, а новая система не создавалась. В результате обобществления скота, перевода в 30-е годы кочевников на оседлость, а также диктата ведомств, не заботившихся о сохранении природной среды, нарушился хрупкий баланс между человеком и средой обитания. Нарушались традиционные маршруты кочевания, на пастбищах не успевала восстанавливаться растительность. Изменился видовой состав стада. Ориентация на товарное производство привела, по существу, к формированию моновидового стада. Непомерно возросло поголовье овец, поскольку сдача шерсти государству была

практически единственной возможностью для хозяйств свести концы с концами. Из-за огромного количества овец пастбища стравливались, зачастую уничтожались некоторые виды растений¹¹. Огромный ущерб плодородию почв и в целом экологической среде нанесло несбалансированное внесение минеральных удобрений. Призванные увеличивать плодородие почв, они на самом деле вели к их деградации, а также к ухудшению здоровья животных и населения¹².

В результате хищнической эксплуатации пастбищных угодий при непомерно возросшем поголовье скота урожайность с гектара горных лугов понизилась в некоторых районах в 2—3 раза, а проводимые полумеры по интенсификации скотоводства, в частности увеличение запасов кормов на зиму, желаемого результата не дали¹³.

Плоды бесконтрольного пользования природной средой нанесли огромный ущерб экономике Киргизии и стали причиной нарастающего экологического кризиса, который уже в ближайшие годы грозит принять необратимый характер. Увеличивающаяся эрозия почв приводит к участвующим стихийным бедствиям — оползням, лавинам, селям. Так, в марте 1994 г. в Ошской обл. оползни унесли жизни около сотни людей. Это бедствие прямо связывается киргизским правительством с разрушением природной среды — тем, что в результате деятельности людей горы лишились растительного покрова. Прогнозы на будущее еще более тревожные. В Киргизии, в районах, где неизбежны лавины, оползни, паводки и сели, расположено много рудников и шахт с радиоактивными захоронениями. Справиться с наступающей угрозой республике сейчас не под силу¹⁴.

Ухудшение экологической обстановки достаточно широко обсуждается многими политиками и учеными республики. Они рассматривают это явление прежде всего как результат проводимой ранее Центром политики, как следствие диктата ведомств. Считается, что переход экономических и экологических вопросов в ведение независимого государства будет способствовать смягчению ситуации¹⁵. Действительно, в последние два года в Киргизии, согласно официальной статистике, заметно сокращено поголовье скота. Так, к 1 августа 1993 г. поголовье (правда, без учета лошадей, которых только в общественном фонде было 850 тыс. уловных голов) в пересчете на овец было 8,2 млн. голов¹⁶. Однако следует принять во внимание трудности учета скота, находящегося в частных владениях, количество которого резко возросло после раздачи в личную собственность части колхозных отар и порой превосходит поголовье государственного стада¹⁷.

Не обращается должного внимания на главную причину критического роста антропогенной нагрузки на природную среду — аграрное перенаселение. С 1937 г. (именно в 30—40-е годы стало разрушаться традиционное скотоводство) население Киргизии увеличилось в 3,3 раза. Темпы естественного прироста у большей части населения (киргизов, узбеков) продолжают оставаться высокими и в 1991 г. составляли в сельской местности 26,6%¹⁸. В 1993 г. на 1 жителя республики приходилось 0,31 га пахотных земель, 1,8 га пастбищ и менее трех голов скота в пересчете на овец. По оценкам специалистов, для нормального существования одной традиционной скотоводческой семьи (в среднем шесть человек) требовалось 100—150 овец. В начале века у северных киргизов бедняками считались те, у кого было 20 овец, 1—2 лошади, 3 головы крупного рогатого скота. В 1930-е годы казахам и киргизам разрешалось иметь в личном пользовании до 100 овец, 8—10 голов крупного рогатого скота и столько же лошадей, 3—5 верблюдов¹⁹. Сейчас на 1 сельскую семью (только киргизскую) приходится всего 24 га пастбищ, и это при том, что около половины угодий занимает общественный скот. Семья может держать до 10—12 овец (учитывая, что современный уровень интенсивности сельского хозяйства не многим выше традиционного).

Очевидно, что, с одной стороны, наращивание поголовья скота в республике ведет к невозполнимым экологическим последствиям, однако, с другой стороны, оно связано со стремлением жителей (по крайней мере сельских) обеспечить себе хоть в какой-то степени прожиточный минимум, поскольку в настоящее время заработки колхозников и работников совхозов крайне низки и несоизмеримы с

жизненными потребностями. По оценкам специалистов, личное скотоводческое хозяйство сельских жителей имеет товарную направленность — это преимущественно овцеводство²⁰. Не следует сбрасывать со счетов и то, что в среде сельского коренного населения сохраняется приверженность традиционной системе ценностей, в которой наличие скота занимало ведущее место. В горных, степных и пустынных районах стадо было способом сохранения и приумножения богатства; в последнее время такой традиционный вид накоплений опять становится популярным²¹ и распространяется из-за обесценения денег.

Следует также отметить, что горный ландшафт и отсутствие достаточных опыта и традиционных навыков земледелия не позволяют большинству киргизских семей (за исключением некоторых групп киргизов Ферганской долины, процесс оседания у которых шел еще в начале века) обеспечивать свои потребности интенсивным земледелием. Таким, к примеру, какое характерно для живущих в долинах узбеков и таджиков: оно дает до 40% всех доходов семье с орошаемого участка, не превышающего в среднем 0,15 га. На нем собирается до трех урожаев в год, и круглогодично в стойлах содержится несколько голов скота²².

Не вызывает сомнений, что при современном уровне сельского хозяйства численность аграрного населения Киргизии многократно превышает допустимые нормы нагрузки на природную среду. Показательно, что в этом государстве один из самых высоких уровней сельской безработицы. По данным на 1990 г., в народном хозяйстве было занято 1743 тыс. человек, в то время как трудоспособное население — 2175 тыс. Незанятое население в основном сконцентрировано в сельской местности Нарынской, Ошской и Иссык-Кульской областей. Для села в 500—600 дворов стало нормой 100—200 безработных²³. Накануне межнационального конфликта в Ошской обл. летом 1990 г., по оценкам специалистов, там было на селе до 35% фактически безработных²⁴. В последующие годы в результате мер по сокращению поголовья скота в целях улучшения экологической обстановки, некоторых рыночных реформ (сдачи земли в аренду, ликвидации части колхозов и совхозов) и общего спада производства ситуация еще более ухудшилась. В июне 1993 г. численность занятых в народном хозяйстве республики была 982 тыс. человек²⁵. Особенно велика доля безработных среди наиболее мобильных возрастных групп, прежде всего молодежи.

Массовый отток трудоспособного населения из скотоводческих районов стал опаснейшей проблемой не только для экономики, но и для политической стабильности в республике. Миграции обусловлены не только безработицей. Они связаны и с крайней неразвитостью социальной инфраструктуры в скотоводческих районах вследствие их труднодоступности, удаленности от городов, рассредоточенности населенных пунктов, бедности и недостаточной окупаемости хозяйств. Ранее, в советский период, социальная мобильность сельского населения сдерживалась различными запретительными мерами, такими, как сложности выхода из колхозов, наличие системы прописки. В последний, «горбачевский», период существования Союза эти меры значительно ослабили, а в начале 90-х годов вообще стали исчезать, в частности, из-за провозглашения перехода к рыночной экономике, в том числе на селе. Было официально признано наличие сельской безработицы, люди приучались к мысли, что в поисках своего «места под солнцем» они могут рассчитывать только на себя.

Наиболее многочисленны внутренние миграции из Нарынской обл., населенной почти исключительно коренным скотоводческим населением, которое сохранило многие черты традиционного менталитета, исторически сложившиеся общественные отношения и социальные ориентации. В этой области, где нет промышленной инфраструктуры и ни одного высшего учебного заведения, где изо дня в день сокращается поголовье скота, формируются все новые волны мигрантов, переселяющихся преимущественно в густонаселенные районы Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины²⁶.

Данный процесс порождает дополнительные проблемы в и без того трудоизбыточных районах, где наблюдается дефицит жилья, а в последние годы ввиду

нерентабельности и отсутствия инвестиций останавливаются многие промышленные и перерабатывающие предприятия. В колхозы и совхозы Чуйской и Иссык-Кульской областей непомерно возрос наплыв желающих устроиться на работу. Хотя зарплата в большинстве сельскохозяйственных предприятий намного меньше прожиточного минимума, при поступлении на работу люди выплачивают немалые деньги — пай (они становятся как бы совладельцами колхозной собственности). Причем принимают не всех, а только владеющих определенными специальностями²⁷. Население этих районов — не только русскоязычное, но и местное киргизское — крайне обеспокоено резким увеличением преступности, ростом группировок агрессивной настроенной молодежи (в основном недавних переселенцев), совершающих время от времени хулиганские действия²⁸.

Воспитанные в духе традиционной системы ценностей, но вытолкнутые из привычной среды, эти люди, переселяясь в иные по хозяйственной ориентации сельские районы или в города, становятся, по существу, маргиналами. Происходит чрезвычайно болезненный процесс трансформации их сознания, обусловленный нарушением родо-племенных связей, которые играют в жизни традиционного общества важную роль. В результате меняются ценностные и поведенческие ориентиры человека. Лишь немногим удается адаптироваться к новым условиям жизни, у остальных формируется неприятие окружающего их мира и даже враждебное отношение к нему.

Особенно неблагоприятная ситуация складывается в городах, куда устремлен основной поток мигрантов, привлеченных возможностью получить специальность, образование и наладить свой быт, устроившись на работу. Приблизительно до середины 70-х годов столице республики, не исчерпавшей резервов внутреннего роста, удавалось интегрировать в свою среду прибывавших мигрантов. К концу 80-х годов там оказалось большое количество выходцев из сельских районов, главным образом молодых рабочих семей, не имевших собственного жилья. В 90-е годы основную массу городских новоселов составили киргизы, покинувшие свои аулы всего год-два, а то и несколько месяцев назад. В 1991 г. численность мигрантов из сел в городские поселения внутри республики составляла 45,5 тыс. человек, на территорию Бишкекского горсовета переехало из сел около 17 тыс. А за один только первый квартал 1993 г. общая численность сельско-городских мигрантов внутри республики превысила 30 тыс. человек, большинство из них осело в Бишкеке²⁹.

Социально необустроенные недавние переселенцы из сел — это дезориентированная и агрессивная часть общества, которая легко вовлекается в разного рода политические движения, особенно националистического толка, выдвигающие лозунги передела собственности, предоставления определенных льгот «коренному населению», возрождения национальных традиций. Не усвоившие в целом ценности городского образа жизни переселенцы стремятся воссоздать более или менее привычную среду обитания; среди них сильна тяга к самоорганизации. Все эти особенности поведения отчетливо проявились в распространившихся в республике массовых захватах пригородных земель под застройку, в результате чего в Киргизии резко накалялась политическая обстановка, дело доходило до кровавого межнационального конфликта.

Кроме того, переселенцы из сельской местности представляют определенную угрозу политической стабильности нового государства, поскольку часто оказываются в составе радикальных партий, оппозиционных правительству. Дело в том, что после своего прихода к власти А. Акаев провозгласил приверженность демократическим принципам, и, в отличие от других среднеазиатских государств, в Киргизии практически не преследовались свобода слова и деятельность различных несогласных с политикой правительства организаций. Хотя А. Акаев воспринимался как компромиссная фигура и проводил политические реформы, балансируя между консервативными силами и радикальным оппозиционным движением, социально-политическая обстановка в республике оставалась достаточно сложной. Оппозиция президенту и курсу проводимых реформ продолжает

играть значительную роль. Влияние оппозиции в обществе растет вследствие кризисного состояния экономики, резкого снижения (после обретения независимости) уровня жизни населения, наличия тяжелейших социальных проблем.

В апреле 1989 г. в Бишкеке произошел самовольный захват земель не имевшей жилья киргизской молодежью. В этом массовом выступлении участвовало до 30 тыс. человек. Стремясь разрядить ситуацию, власти достаточно быстро легализовали эту акцию, выделив по 5 соток тем, кто был признан нуждающимся в жилье³⁰. Первая волна «застройщиков» состояла в основном из людей, проживших в Бишкеке 5—10 лет и имевших специальность и образование. Они обладали высокой социальной активностью и стремились к самоорганизации. В ходе кампании по захвату земли ими было создано объединение «Ашар» (в переводе на русский язык соответствует слову «помочи»). Целью его была помощь застройщикам в сооружении жилищ, оно включало в себя более 5 тыс. семей и в конце 1990 г. получило республиканский статус. Движение «Ашар» стало первой официальной оппозиционной организацией правительству. Его деятельность распространилась на различные районы республики. «Ашар» первым поставил вопрос о принятии закона о языке и заявил о необходимости отметить годовщину восстания 1916 г., охватившего тогда многие районы Средней Азии и имевшего антирусскую направленность. В 1990—1992 гг. эта организация немало сделала для обеспечения нужд застройщиков, нередко вступая в конфронтацию с тогдашним правительством, а в январе 1990 г. организовала массовый митинг против переселения в Киргизию вынужденных мигрантов из других республик (тогда распространился слух о прибытии армянских беженцев) и предоставления им квартир. На митинге был выдвинут лозунг об отставке республиканского руководства³¹.

После событий января 1990 г. появилась идея создания в Бишкеке национальной демократической организации. В апреле того же года возникла радикальная партия национального возрождения «Асаба» (обозначение киргизского боевого знамени), которую поддержали агрессивно настроенные сельские мигранты, главным образом последней волны. «Ашар» и «Асаба» выступили инициаторами создания Демократического движения «Кыргызстан» (ДДК), выступавшего за отделение от СССР, за введение поста президента и за избрание президентом А. Акаева. Однако после реализации этих задач внутри движения наметился раскол³².

Благоприятная реакция правительства на первые захваты земли повлекла за собой новые захватнические акции. Возможно, памятуя о поддержке со стороны организаций «Ашар» и «Асаба» на выборах, правительство А. Акаева предоставляло все новые и новые участки земли и выделяло застройщикам бюджетные ассигнования. Были организованы новые объединения застройщиков «Кек-Жар» («Зеленое поле»), «Келечек» («Будущее») и «Бишкек». Подобные структуры возникли и в Оше. В феврале 1992 г. президент принял Указ о материальной и моральной поддержке приезжающей в города киргизской сельской молодежи³³.

Вследствие проводимой политики поток мигрантов в города быстро возрос, изменился и его состав. Среди недавно приехавших сельчан преобладали те, кто не имел ни жилья, ни работы, а часто — и специальности. Они были наиболее агрессивно настроены, отвергали сотрудничество с правительством, характерное для движения «Ашар», и ориентировались на националистические партии типа «Асаба» (последняя, кстати, заявила о своей приверженности тюрко-мусульманским идеям)³⁴.

В жилых массивах застройщиков предпринимались попытки воссоздать традиционный облик киргизского поселения и воспроизвести национальные элементы в общественном устройстве. Так, один из поселков был запланирован по типу размещения юрт в киргизском ауле: каждые семь домов, поставленных по окружности, имели общий двор. Однако в реальности социально-территориальная структура в поселке не сложилась. Соседские связи, характерные для оседлого земледельческого населения Средней Азии, в районах самовольной застройки не смогли заменить семейно-родственные и племенные связи, традиционные для

киргизов. Население поселков быстро пополняется за счет притока сельских родственников³⁵.

Площадь кольца самовольных застроек вокруг Бишкека почти равна площади прежней территории города. Дальнейший рост такой застройки чреват тяжкими экологическими последствиями и мощным социальным взрывом уже в ближайшие годы. Даже руководство движения «Ашар» стало выступать за необходимость прекращения миграций и закрепление людей на местах. В настоящее время доля жителей в районах самовольной застройки составляет около 10% населения столицы. Эти районы представляют собой огромные пространства, заполненные сараями и полужемлянками. Многие дома из-за нехватки средств стоят недостроенными. Там нет дорог, воды, электричества. Реальные возможности для мигрантов последних волн найти работу ничтожны. Почти у 60%, а по другим источникам — у 90% трудоспособного населения нет постоянной работы³⁶. По сообщению газеты «Вечерний Бишкек», в настоящее время основными источниками финансирования «застройщиков» являются «криминальный или полукриминальный бизнес, рэкет, спекуляция, поденщина»³⁷. Заработанное днем растрачивается вечером.

Остается только предполагать, в какие формы может вылиться ожесточенность этого населения, ведущего полунищенское существование, крайне уязвимо-го для инфекционных и психических заболеваний. Чем дальше, тем меньше оно способно включиться в общественное производство. И это при том, что состояние экономики Киргизии не позволяет в данный момент сколько-нибудь серьезно изменить обстановку, создать новые рабочие места, интенсифицировать сельское хозяйство.

Практика показывает, что агрессивность подобных, во многом люмпенизированных слоев населения в бывшем СССР в первую очередь направлена на лиц других национальностей. В Бишкеке это русскоязычные жители. В частности, одно из программных требований партии «Асаба» — это «выравнивание социально-экономических условий жизни коренного и других групп населения»³⁸, хотя неясно, каким образом предполагается достичь подобного выравнивания.

В Киргизии имеется прецедент, когда в схожей социальной ситуации разгорелся межнациональный конфликт, унесший несколько сотен жизней. Он произошел в Ошской обл. в мае-июне 1990 г. По этническому составу эта охватывающая юг республики область имеет свою специфику. В 1989 г. из 2 млн. жителей киргизы составляли здесь 60%, а узбеки — 26%. Последние — исконные жители сельскохозяйственных районов области, занимающей часть Ферганской долины. Ош, Узген и некоторые другие города области в прошлом также традиционные узбекские города. Лишь с середины 70-х годов туда сильно возрос приток киргизского населения, из которого к 1989 г. 85% оставалось сельскими жителями, занятыми преимущественно в животноводстве³⁹.

В конце 80-х годов особенно возросла миграция сельских жителей и прежде всего молодежи в города области, что связано с быстрым ростом перенаселенности в условиях ограниченности земельных угодий и вследствие этого — ростом безработицы на селе. (Летом 1990 г. в Ошской обл. до 25%, а на селе до 35% трудоспособного населения являлись фактически безработными⁴⁰.) По данным на 1989 г., среди 211 тыс. жителей Оша узбеков было 44, киргизов — 23,7 и русских — 20%.

Прибывавшая в города киргизская молодежь сталкивалась с проблемой приобретения жилья и работы. В 1990 г. в очереди на жилье в Оше стояло 55 тыс. человек, из которых подавляющее большинство — киргизы⁴¹. Недавние мигранты из села вынуждены были устраиваться на самые непрестижные у местного населения работы — главным образом на подсобные (в силу отсутствия специальности) на промышленных предприятиях, нередко с тяжелыми условиями труда. Немалую долю среди мигрантов составляла учащаяся молодежь, приехавшая в город в надежде стать горожанами. Прибывшим приходилось снимать жилье, ютиться в общежитиях или на временной жилплощади без реальной надежды получить ее в собственность.

В то же время коренные горожане — узбеки жили преимущественно в кварталах с частными домами и небольшими приусадебными участками. Такие кварталы в недалеком прошлом составляли основной жилищный фонд городов области. Они считаются у местных жителей более комфортабельными в жарком климате, чем многоэтажные дома из современных строительных материалов. Узбеки были заняты в наиболее престижных сферах, обеспечивающих к тому же возможность удовлетворять свой потребительский спрос в условиях тотального дефицита товаров: среди работников торговли они составляли 71,4%, на предприятиях общественного питания — 74,7, среди таксистов — около 80%⁴². Такое положение дел заставляло переселенцев рассматривать узбеков как конкурентов, виновников своей обделенности. По-видимому, этими настроениями воспользовались власти области (среди руководителей облизполкома киргизы составляли 85,7%, а узбеки только 4,7)⁴³, стремившиеся ослабить влияние узбекской «торговой мафии».

Следует заметить, что узбекская община Ошской обл. предпринимала определенные действия, чтобы добиться политического равноправия с киргизами. Всплеск активности был связан в 1990 г. с вступлением в силу Закона о государственном языке республики, применение которого означало сужение возможностей обучаться и использовать в деловой сфере другие языки, в том числе узбекский. Так, в марте 1990 г. узбеки, жители Ошской обл., ветераны войны и труда, выступили с заявлением о необходимости организовать Ошскую автономную республику в рамках Киргизской ССР⁴⁴.

Несомненно, причины, породившие ошский конфликт, уходят корнями в далекое прошлое, когда жившие по-соседству кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы периодически вступали в споры из-за земельных владений. Серьезные разногласия между различными этническими группами вызвало и искусственное разделение Средней Азии на республики с четкими границами в ходе национально-государственного размежевания 1924 г. Однако безусловным толчком к открытым столкновениям 1990 г. стало то обстоятельство, что число сельско-городских мигрантов в Ошской обл. достигло к этому времени критической массы, а повышение социальной активности населения этого района было связано тогда с политическими событиями, имевшими отношение к переменам в государственной системе.

События в Оше начинали разворачиваться по сценарию, опробованному в Бишкеке, т. е. с требований предоставления участков под застройку. Однако вследствие сильного земельного голода эти события приняли другой оборот. С апреля 1990 г. в Ошской обл. появилось неформальное общество «Ош-аймагы», которое провозгласило основной целью своей деятельности обеспечение земельными участками для жилищного строительства тех, кто не имеет жилплощади, что нашло самую активную поддержку у киргизской рабочей и учащейся молодежи, прибывшей из сельской местности. На первом же собрании начали собирать заявления о предоставлении участков от жителей Оша. К 20 апреля их набралось более 5 тыс., а к середине мая — более 7 тыс.⁴⁵

27 мая состоялся митинг, в котором участвовало около 5 тыс. человек. Они требовали предоставить им землю, угрожая в противном случае массовым самозахватом (в отличие от Бишкека, вокруг Оша плотным кольцом расположены пахотные орошаемые земли, принадлежащие колхозам и совхозам). Власти области объявили о намерении выделить под застройку часть территории одного из колхозов и двух микрорайонов. Однако собравшиеся требовали предоставления им территории другого колхоза — им. Ленина, в котором 95% колхозников составляли узбеки. После долгого обсуждения было принято решение в пользу «Ош-аймагы». Собравшиеся, предполагая образовать чисто киргизское поселение, отметили свою победу традиционной киргизской церемонией: они зарезали на месте будущего заселения лошадь и поклялись не отступать от «завоеванной земли»⁴⁶.

На следующий день на том же самом месте собрались узбеки-ошане, недовольные принятым властями решением. Они требовали создания автономии и

придания узбекскому языку статуса государственного. Одновременно более 700 киргизских семей, проживавших на частных квартирах у узбеков, были выгнаны хозяевами на улицу. 31 мая республиканская комиссия отменила решение о выделении земель колхоза им. Ленина. Вместо 320, как планировалось ранее, на колхозную территорию претендовали уже до 10 тыс. «застройщиков». Под строительство решено было предоставить земли трех других хозяйств. Однако 4 июня на двух концах спорного поля колхоза им. Ленина — 30 га поливных земель⁴⁷ — собрались толпы узбеков и киргизов. Несмотря на обращения властей, страсти накалялись, тем более что на других, законно отведенных территориях (более 600 га) процесс выдачи земли не был отрегулирован. У людей возникло подозрение, что их обманывают. К вечеру скопление людей еще более возросло. Стало очевидно, что драка неминуема. Милиционеры открыли огонь. Киргизы и узбеки двумя различными маршрутами двинулись к городу, учиняя по пути погромы и избивая людей⁴⁸. В последующие дни, привлекаемые активно распространяемыми слухами, что «все киргизское население Оша истреблено», в город потянулись вооруженные киргизы из сельской местности. Такие же слухи распространялись и об «истреблении узбеков».

Массовые столкновения происходили и в Узгене (среди горожан киргизов было 15%) — между приезжей киргизской молодежи и городскими узбеками. 5 июня город был «очищен от приезжих» — практически всех киргизов заставили покинуть Узген. Массовые узбекские погромы начались в сельских районах области, а именно в тех населенных пунктах, где киргизы составляли большинство, в частности — в Мирза-Аки. Там разбили временное пристанище беженцы из Узгена⁴⁹. Ситуацию удалось взять под контроль только 6 июня, когда были введены части Советской Армии.

Ошские события привели к отставке тогдашнего руководителя республики А. Масалиева. Год спустя ситуация в области продолжала оставаться нестабильной. Не были решены жилищные проблемы, отмечался высокий уровень безработицы. В 1991 г. в области провели социологический опрос, целью которого являлась оценка вероятности того, что конфликт повторится. Эксперты киргизской национальности в первую очередь были озабочены жилищным вопросом⁵⁰.

Вместе с тем ход событий в Оше показал местному населению, к каким катастрофическим последствиям ведут в этом районе любые попытки массового захвата земель. По-видимому, это обстоятельство, а также некоторые меры властей (как киргизских, так и узбекистанских) по примирению враждовавших сторон и усилению контроля над развитием ситуации в области сдерживают новый всплеск конфликтности. Однако более мелкие земельные споры, не имеющие заметного общественного резонанса, вспыхивают в Киргизии, как и в других государствах Средней Азии, довольно часто. Некоторые из них длятся по многу лет и могут перерасти из микроконфликтов в локальные и даже межреспубликанские.

Так, в другом районе Ошской обл. — Баткенском с начала 1980-х годов тлеет конфликт между таджиками и киргизами. Последние, постепенно переходя от полукочевого скотоводства к оседлому образу жизни, теснили на орошаемых участках местных земледельцев-таджиков, причем плотность населения там быстро увеличивалась и вследствие высоких темпов рождаемости того и другого населения. Таджики Исфаринского р-на Ленинабадской обл. Таджикистана в течение многих лет использовали на правах аренды под пастбища около 10 тыс. га земель Баткенского р-на Ошской обл. В ходе отдельных столкновений 1989 г. исфаринцы стали требовать включения этих земель в состав своего района. Фактически речь стала идти о пересмотре межреспубликанских границ. Впоследствии этот конфликт, как и многие другие, перешел в латентную форму, а причины, вызвавшие его, сохраняются⁵¹.

Анализ демографической, экологической и социальной ситуации в Киргизии показывает, что из-за роста аграрного перенаселения в этом государстве к настоящему времени исчерпаны природные ресурсы, позволявшие вести экстенсивное

(с чертами традиционного) сельское хозяйство, которое составляет основу всей его экономики. Разрушение природной среды в свою очередь усугубляет социальные последствия перенаселенности. В результате этих процессов, а также по причинам политического характера в республике наблюдается рост массовых сельско-городских миграций, растут безработица и необеспеченность жильем, особую остроту приобретают земельные споры. Все это чревато социальными взрывами и опасностью возникновения межнациональных конфликтов. В то же время в силу ограниченности полезных ресурсов и слабых возможностей инвестировать развитие экономики (хотя зарубежные страны, в том числе западные, предоставляют Киргизии определенные кредиты) маловероятна скольконибудь значительная структурная перестройка экономики в достаточно короткие сроки. По-видимому, в ближайшем будущем негативные тенденции в развитии Киргизии будут сохраняться.

Примечания

- ¹ Шанс есть у всех, но разный // Дело № ... 15 сентября 1993 г. (Бишкек).
- ² Стат. бюллетень. Статистический комитет СНГ. Сентябрь 1993 г. № 17 (35).
- ³ Там же. С. 49—50; Кумский В. Как жить дальше? Беседа с доктором экономических наук // Свободные горы. Сентябрь 1993 г. № 64 (Бишкек).
- ⁴ Шанс есть у всех...
- ⁵ Шмелев Н. А платить все равно России. Интервью // Слово Кыргызстана. 10 сентября 1993 г. № 177 (Бишкек).
- ⁶ Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и нестолжной этнологии. М., Институт этнологии и антропологии РАН. 1993. № 50. С. 10.
- ⁷ Русские в новом зарубежье: этносоциологический очерк. М., 1993. С. 34.
- ⁸ В 1990, 1991, 1992 гг. миграционное сальдо было отрицательным и составляло, главным образом за счет уехавших русскоязычных жителей, на 10 тыс. населения соответственно 93,1; 82,2; 172,3 человека (Стат. бюллетень. № 17 (35). С. 51), т. е. по годам примерно 40 тыс., 36 тыс., 77 тыс. человек. Русских в 1989 г. в Киргизии насчитывалось 917 тыс.
- ⁹ Подсчитано по: Стат. бюллетень. № 17 (35). С. 50—53.
- ¹⁰ Современная общественно-политическая ситуация... С. 9.
- ¹¹ Ситнянский Г. Ю. Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в горной Киргизии // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 40—41.
- ¹² Там же. С. 46—47.
- ¹³ Темирбаев В. Экология и межнациональные отношения // Межнациональные проблемы и конфликты: поиски путей их решения. Тез. докл. Ч. 1. Бишкек, 1991. С. 95; Акмолдоева Б. Проблемы традиционного скотоводства и социальной напряженности // Межнациональные проблемы... Ч. 1. С. 94.
- ¹⁴ Трагедия в горах Киргизии // Известия. 31 марта 1994 г.
- ¹⁵ Темирбаев В. Указ. раб. С. 95.
- ¹⁶ Стат. бюллетень. № 17 (35). С. 52; Стат. бюллетень. № 7 (451). Государственное статистическое агентство при правительстве Кыргызской республики. Бишкек, 1993. С. 18.
- ¹⁷ Акмолдоева Б. Указ. раб. С. 94.
- ¹⁸ Демографический ежегодник республики Кыргызстан 1991. Бишкек, 1993. С. 38.
- ¹⁹ Данные приводятся по: Ситнянский Г. Ю. Указ. раб. С. 45.
- ²⁰ Акмолдоева Б. Указ. раб. С. 94.
- ²¹ Там же.
- ²² Полевые материалы автора. Июнь 1990 г.
- ²³ Средняя Азия. Справочные матер. История, экономика, политика. М., 1992. С. 54; Современная общественно-политическая ситуация... С. 9.
- ²⁴ Дубенецкий Э. С. Воздействие социальной структуры общества на характер межнациональных отношений // Межнациональные проблемы и конфликты... Ч. 2. С. 99.
- ²⁵ Стат. бюллетень. № 7 (451). С. 118.
- ²⁶ Миграцию необходимо остановить // Свободные горы. Май 1993. № 35 (Бишкек).
- ²⁷ Полевые материалы автора. Сентябрь 1993 г.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Костюкова И. Сельско-городские мигранты в Бишкеке: Социальные проблемы и участие в национально-политическом движении // Этносоциальные процессы в Кыргызстане. М., 1993. С. 84—85.
- ³⁰ Костюкова И. Указ. раб. С. 79.
- ³¹ Пономарев В. Самодетельные общественные организации Казахстана и Киргизии 1987—1991 гг. (опыт справочника). М., 1991. С. 84—95; Костюкова И. Указ. раб. С. 81—82.
- ³² Пономарев В. Указ. раб. С. 93; Костюкова И. Указ. раб.

- ³³ Пономарев В. Указ. раб. С. 90—96; Костюкова И. Указ. раб. С. 87.
³⁴ Костюкова И. Указ. раб. С. 88.
³⁵ Там же. С. 88—90.
³⁶ Там же. С. 88.
³⁷ Вечерний Бишкек. 7 мая 1993 г. Цит. по: Костюкова И. Указ. раб. С. 88.
³⁸ Пономарев В. Указ. раб. С. 93.
³⁹ Элебаева А. Б., Джусунбеков А. К., Омуралиев Н. А. Ошский межнациональный конфликт: социологический анализ. Бишкек, 1991. С. 5—6.
⁴⁰ Эсеналиев Д. А. Влияние социально-экономического развития Кыргызстана в годы перестройки на межнациональные отношения//Межнациональные проблемы и конфликты... Ч. 1. С. 106. Дубенецкий Э. С. Указ. раб. С. 99.
⁴¹ Элебаева А. Б., Джусунбеков А. К., Омуралиев Н. А. Указ. раб. С. 6.
⁴² Там же.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Разаков Т. Ош Коогаланы. Ошские события (на материалах КГБ). Бишкек, 1993. С. 43.
⁴⁵ Там же. С. 45.
⁴⁶ Там же. С. 46.
⁴⁷ Там же. С. 83.
⁴⁸ Там же. С. 47.
⁴⁹ Там же. С. 56, 86—87.
⁵⁰ Элебаева А. Б., Джусунбеков А. К., Омуралиев Н. А. Указ. раб. С. 17.
⁵¹ Абашии С. Н., Бушков В. И. Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., Институт этнологии и антропологии РАН. 1991. № 24. С. 1—2.

Kirghizia: social consequences of agrarian overcrowding

Current demographic, ecological, and social situation of Kirghizia is analyzed. The author argues that the republic's natural resources have been exhausted by now as the result of agrarian overcrowding, which makes it impossible to practice extensive agriculture. This, in turn, is fraught with social upheavals and ethnic clashes.

O. I. Brusina